

Ханс Гюнтер
(Билефельд)

ВАРВАРСКО-ДИОНИСИЙСКОЕ НАЧАЛО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Мысль Ницше о необходимости оживления декадентской культуры дионисийским духом сыграла значительную роль в России. Настоящая статья не ставит своей задачей проанализировать амбивалентную оценку немецким философом соотношения этих понятий. Ограничившись короткими примечаниями к самому Ницше, мы будем рассматривать два варианта идеи обновления культуры дионисийским "варварством", которые возникли на основе русского ницшеанства.

Слово "варварство", которым в античности обозначали чужие, находящиеся вне греческой культуры явления, употребляется Ницше для характеристики самой грубой стороны дионисизма. Еще в "Рождении трагедии" речь идет о том, что дорическое государство находилось "в непрерывном противодействии титанически-варварской сущности дионисического начала"¹. Читатель понимает, что дело не столько в интерпретации греческой трагедии, сколько современной европейской культуры. Это, например, выясняется из описания дионисических чар трагедии: бурный вихрь схватывает все отжившее, гнилое, разбитое, зихиревшее, крутя, объемлет его красным облаком пыли, и, как коршун, уносит его ввысь" (Ницше I, 138). Ницше утверждает, что "время сократического человека миновало" (Ницше I, 139), и рисует перед нами апокалиптические перспективы: "Все, что мы зовем теперь культурой, образованием, цивилизацией, должно будет в свое время предстать перед безошибочным судьей - Дионисом" (Ницше, I 135).

Мысли "О пользе и вреде истории для жизни" продолжают критику зараженного исторической болезнью александрийского века. Говорится о миссии "того юношества, того первого поколения борцов и истребителей змей, которое идет в авангарде более счастливого и более прекрасного образования и человечности", не имея ничего, "кроме многообещающего предчувствия" (Ницше I, 228). Эту молодежь, не обладавшую образованием, но зато имеющую крепкое здоровье, можно обвинять в "грубости и неумеренности - но она еще недостаточно стара и умудрена опытом, чтобы сдерживать свои порывы" (Там же).

В 80-е годы борьба философа с декадансом радикализуется и принимает более обобщенный характер. С одной стороны, Ницше разочаровывается в искусстве Вагнера, которое своей утонченностью, как ему кажется, само представляет "выражение оскудевшей жизни" (Ницше II, 551). С другой стороны, все чаще встречаются пророческие высказывания о появлении в

обществе каких-то грядущих "варваров". Изнеживающему действию духа противопоставляются "новые варвары, т.е. циники, искусники, завоеватели, обладающие волей к власти"². В связи с приходом к власти сильной новой расы господ задается вопрос: "Где варвары двадцатого века?" (Nietzsche IV, 690) В другом месте речь идет о том, что варваров нельзя искать лишь в глубине, но есть варвары, идущие с высоты, "завоевывающие и господствующие натуры", как, например, Прометей (Nietzsche IV, 846).

Уже было упомянуто о существовании двух линий ницшеанской мысли преодоления декаданса дионисийским варварством в России. С одной стороны, русские футуристы и примитивисты стремятся к оживлению мертвого, исчерпанного искусства, привлекая до- или внекультурный материал. В отличие от "эстетического варварства" Л.Блок и другие авторы развивают мысль о смене технической цивилизации стихийной культурой народа.

В своей статье "Магия слов" (1909) Л.Белый предвосхищает футуристическую концепцию воскрешения слова. Умирание живой речи характерно для эпохи всеобщего упадка. Но живое звучащее "семя-слово" срывает с себя оболочку отвлеченного понятия и порождает новый органический период культуры, в котором слово "блестит и сверкает девственной, варварской пестротой"³, Таким образом, "вырождение переходит в здоровое варварство"⁴. Творчество определяется как борьба с разлагающимися трупами прозаических слов, потерявших звуковую образность: "Мы должны быть варварами, палачами ходячего слова, если уже не можем мы вдохнуть в него жизнь"⁵.

Футуристические манифесты подчеркивают именно внекультурные особенности поэтического слова. Считается, например, "что язык должен быть прежде всего языком и если уж напоминать что-нибудь, то скорее всего пилу или отравленную стрелу дикаря"⁶. Крученых и Хлебников требуют, "чтоб писалось туго и читалось туго неудобнее смазных сапог или грузовика в гостиной"⁷. В статье "Искусство как прием" В.Шкловский в целях затруднения восприятия предлагает обновление языка литературы диалектами, варваризмами, просторечием и т.д.

В литературном и художественном творчестве раннего русского авангарда разные виды примитивизма используются для достижения нового мироощущения. Можно различать собственно примитивизм, который опирается на т.н. примитивные или архаические культуры, фольклоризм, который черпает вдохновение из народной и деревенской традиции, и инфантилизм, который использует материал детского эстетического восприятия⁸. В альманахе "Синий всадник" (1912) мы находим статью Давида Бурлюка о "Диких России" (Ларионов, Гончарова, Сарьян, Машкой, Бурдюки и др.), творчество которых коренится в традиции "варварской" искусства египтян, ассирийцев, скифов и т.д. "Дикое" искусство (термин происходит от

французского "Fauves") уподобляется мечу, разбивающему цепи академизма. В том же

альманахе немецкий художник А.Макке пишет о "Масках" примитивных народов.

Не удивляет, что в критике не раз подчеркивается "варварская" натура футуризма. Г.Гастевен характеризует футуристов как завершителей символизма, но, вместе с тем, обнаруживает в их творчестве варварско-примитивистские черты⁹. Для А.Закржевского футуристы "замечательны не как люди искусства, не как художники и поэты, а как огненные безумцы и бесстрастные разбиватели скрижалей, на которых тяжелая рука времени нпчертпла свою мертвую ложь"¹⁰, Они характеризуются, как наследники Ницше, стремящиеся перейти от культурности к первобытности. Н.Бердяев, который имеет перед глазами прежде всего итальянский футуризм, отличающийся пафосом машины и скорости, рассматривает кризис искусства на фоне борьбы между варварством и упадочностью. "Футуризм должен был народиться в Италии, сгибающейся под тяжестью своего великого культурного прошлого, обессиленной этим былым величием: футуризм и есть новое варварство на вершине культуры. В нем есть варварская грубость, варварская цельность и варварское неведение. Это варварство должно было прийти на смену упадочности"¹¹

Концепция А.Блока о здоровом варварстве народной стихии резко отличается от эстетической "грубости" футуризма и примитивизма. В статье "Стихия и культура" (1908) Блок окружает ницшеанскую антиномию аполлонического и дионисийского поэтической символикой и адаптирует ее к ситуации в России. Автор исходит из разрыва между интеллигенцией, которая живет в аполлоническом сне вечного прогресса и бесконечности культуры, и стихией народной, которая своей вулканической энергией пробивает тонкую кору цивилизации. Сталкивается месть культуры с распалившейся местью стихийной и земной.

После 1917 г. под впечатлением исторических событий расширяется метафорическая гамма поэта. Революционная стихия предстает в ярких образах бурного потока, грозного вихря и снежного бурана и т.д. Но прежде всего подчеркивается оваянная вагнеровским духом¹² задача художника услышать "великую музыку будущего"¹³. Вместе с тем, "вековая распря между "черной" и "белой" костью, между "образованными" и "необразованными", между интеллигенцией и народом" (Блок IV, 235) описывается уже не в метафорическом, а реальном плане, причем разрушение соборов, усадеб и парков объясняется возмездием за грехи отцов.

В докладе о крушении гуманизма (1921) Блок расширяет масштабы борьбы между цивилизацией и культурой. В метафорическом ряде акцентируется образ уничтожающего огня, что говорит об обострении антиномии между

противоположными полюсами. Вырождающаяся культура превращается в дивилизацию, лишенную духа музыки, и цивилизованные люди теряют культурную цельность. Примером служит Римская империя, которая погибла под ударами германских племен. Блок напоминает о том, что еще до нашей эры Тацит пел "мощь и свежесть грядущей в мир новой, варварской расы" (Блок IV, 336). Именно варварские массы являются бессознательными хранителями культуры и духа музыки. Голоса варварских масс и великих художников сливаются в дикой, нестройной музыке, которая не только невыносима цивилизованному слуху, но "для многих из нас и смертельна" (Блок IV, 345).

Несмотря на скорбь о потере гуманизма, в докладе преобладает какое-то самоубийственное опьянение варварской стихией. Революция как бы принимается в качестве того Страшного суда Диониса над цивилизацией, о котором писал Ницше. Подобная смесь страха и любования стихийной силой была характерна для стихотворения В.Брюсова "Грядущие гунны" (1904). Описывается гибель культурных ценностей: "И что, под бурей летучей, / Под этой грозой разрушений, / Сохранит играющий Случай / Из наших заветных творений?" Но, вместе с тем, чувствуется восхищение свежей стихийной силой, когда речь идет о том, что одряхлевшее тело оживляется "волной пылающей крови". Эта мысль достигает своего апогея в фатализме самой концовки: "Но вас, кто меня уничтожит, / Встречаю приветственным гимном"¹⁴. Эти стихи, говорящие о жертве интеллигенции на алтаре народной революции, сближают Брюсовас Блоком.

Однако у Блока существует и другая линия решения конфликта между интеллигенцией и народом, линия "реабилитации" культуры¹⁵, вызванная испугом перед апокалиптической "распалившейся стихийностью мести". Поиски синтеза аполлонического и дионисийского у Блока характерны, в особенности, для доклада 1919 г. о романтизме. Там речь идет о непрерывной борьбе культуры со стихией, в которой смешиваются ненависть и любовь. Романтическое сознание, направляющее человека на "новую связь со стихией", уподобляется тому острову, "на котором культура была бы одновременно предана стихии и защищена от ее бушующих волн" (Блок IV, 358). В выступлении Блока о Пушкине в 1921 г, центральным является понятие гармонии: "Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос - устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создается гармония" (Блок IV, 414). Перед поэтом как "сыном гармонии" стоит задача приобщиться к "родимому хаосу" и заключить глубинные звуки в прочную форму слова. Для выполнения этой задачи ему требуются "покой и воля".

Примирению конфликта варварства и упадочности посвящена именно последняя часть лекции Н.Бердяева "Кризис искусства" 1917 г. Эпохи декаданса и утонченности, наступающие в истории, не бесплодны, поскольку они своей рефлексивностью и открытием неведомого дают огромный опыт. Но

так как они отрешены от своего жизненного источника, возникают "варварство духа и варварство крови и плоти, черпающие силы из глубочайших темных истоков бытия, извлекающие соки из темных корней всякой жизни" 16. Таким обновляющим и спасающим варварством, например, было в античности христианство. По отношению к современности Бердяев считает, что культура, покровы которой окончательно разорваны, в классическом смысле не является единственным путем оформления хаоса, и что существует возможность претворения самой культуры в творчество жизни. "Лишь, на этом пути ворвавшиеся в культуру варварские звуки и варварские жесты могут быть соподчинены новому космическому ладу и новому космическому ритму"¹⁷. Только знание обеих сторон развития культуры поможет преодолеть, конфликт между "варварами-футуристами" и "культурниками". **Жизнетворчество**, согласно Бердяеву, превратится в продолжение Божьего творения мира.

Варварско-диоисийское начало присутствует и в концепции скифства¹⁸, которое нашло свое выражение в известном стихотворении А.Блока "Скифы" начала 1918 г. Мотив скифства связан с положением России между Западом и Востоком, Европой и Азией. Черты восточничества, свойственные еще группе "Гилея", были направлены против "ярма Европы"¹⁹, о чем свидетельствовало, например, столкновение русских футуристов с Маринетти. В противовес утонченной европейской культуре русские футуристы делают ставку на "азиатскую" грубость, первобытность, архаичность и космичность.

В основе стихотворения Блока лежит конкретная историческая обстановка. По поводу возможного перерыва переговоров между Россией и западными силами поэт в январе 1918 г. записывает в дневнике: "Мы - варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ - будет единственно достойный человека" (Блок V, 234). Последние строки стихотворения представляют собой как бы предложение мира: "В последний раз - на светлый братский мир / Сзывает варварская лира". Скифство означает двуликий характер России-Сфинкса, которая понимает западную культуру, но, если ее обидят, обернется к Европе своей "азиатской рожей" (Блок II, 255). Скифство - это угроза Западу варварством.

В связи с этим вспоминается отношение к скифству, которое выражено в стихотворении О.Мандельштама "О временах простых и грубых" 1915 г., в котором "звериная зевота" привратника ассоциируется с образом скифа. Овидий, "мешая в песнях Рим и снег", поет "арбу воловью в походе варварских телег". Эти слова можно интерпретировать как преодоление варварской стихии аполлоническим духом.

Мандельштам не играет и не пугает скифством, потому что культура в России всегда находилась под угрозой. Русский эллинизм в понимании поэта это "хрупкая ладья" в открытом море грядущего, это тепло очага, дом человека, которому угрожает землетрясение. Для Мандельштама русское слово -

Акрополь, крепость, "оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с беформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории"²⁰. От волны дионисийского варварства нельзя ожидать обновления культуры, так как оно скорее затопит разбросанные острова культуры, о которых говорил Блок. Кроме того, варварство революционной эпохи, по оценке Мандельштама, - переходное явление. Он предчувствует застывание революционного движения в монументальных формах будущей социальной архитектуры.

Интересно сопоставить эти мысли со статьей "Революция и культура" 1905 г. в которой Н.Бердяев откликнулся на высказывания Горького о русской интеллигенции. Цитатой из стихотворения Брюсова о грядущих гуннах автор подкрепляет свое чувство страха перед некультурностью русской революции. Поскольку в России нет всенародной культуры, "стихией революции нужно управлять, должно подчинять ее своим идеям, отделять в ней десницу от шуйцы (...), а не раболепно подчиняться ей"²¹. Иначе разрушительная энергия революции, как считает Бердяев, может привести к победе "надвигающегося мещанства"²².

В отличие от аполлонического пафоса Мандельштама, Бердяев проявляет большую склонность к позитивной оценке роли дионисийства в истории русской культуры. Поэтому импульсы русского авангарда к обновлению искусства "эстетическим варварством" оцениваются им более положительно. Представление о создании новой культуры средствами народной стихии, однако, глубоко чуждо обоим, потому что они знали, что раскрепощение варварской стихии в русской революции - опасное явление. Более того, они чувствовали, что волна революции застынет в "монументальности" или "мещанстве", которые враждебны дионисийству в любой форме.

¹ Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990 С.71. Издание в дальнейшем цитируется как "Ницше", том и страницы указываются в скобках.

² Nietzsche F. Werke. Bde. 1-4. Frankfurt a. M.-Berlin-Wien, 1976. Т.4. S.449. Издание в дальнейшем цитируется как "Nietzsche", том и страницы указываются в скобках.

³ Белый И. Символизм. М., 1910. С.434.

⁴ Там же. С.435.

⁵ Там же. С.436.

⁶ Манифесты и программы русских футуристов. Munchen, 1967. С.56.

⁷ Там же. С.53.

⁸ Vencic Z. Инфанализм //Russian Literature, XXI-1. Amsterdam, 1987. P.П. См. также. Nilsson N.-A. "Первобытность" - "Примитивизм" // Russian Literature.XVII-1. Amsterdam, 1985. P.39-44.

⁹ Футуризм М., 1914. С.47.

¹⁰ Рыцари безумия. Киев, 1914. С.III.

¹¹ Бердяев Н.А. Кризис искусства //Бердяев Н.А. О русских классиках. М., 1993. С.309.

¹² См. об этом: Kluge R.-D. Westeuropa und Russland im Weltbild Aleksandr Bloks. Munchen, 1967.

¹³ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т.IV. М., 1982. С.238. Издание в дальнейшем цитируется как "Блок", том и страницы указываются в скобках.

¹⁴ Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т.I. М., 1973. С.433.

¹⁵ *Szilard L.* Аполлон и Дионис (к вопросу о русской судьбе одной мифологемы) // *Umjetnosl Rijeci XXV* (Književnost, avantgarda, revolucija). Zagreb, 1981. S.162.

¹⁶ *Бердяев Н.А.* О русских классиках. С.309

¹⁷ Там же. С.309.

¹⁸ О скифстве см.; *Hoffman S.* Scythian Theory and Literature. 1917-1924 // *Art, Society, Revolution Russia 1917-1921.* Stockholm, 1979. P. 138-164, *Dobringer E.* Der Literaturkritiker R.V.Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Skythentums. Munchen, 1991.

¹⁹ Лифшиц Б. Полутороглазый стрелец. Нью-Йорк, 1978. С.144.

²⁰ *Мандельштам О.* Сочинения, Т.2. М., 1990. С.180.

²¹ *Бердяев Н.А.* О русских классиках. С. 259.

²² Там же. С.257-258